

Николай Добролюбов

**Очерки и рассказы И. Т.  
Кокорева**



Николай Александрович Добролюбов

## Очерки и рассказы И. Т. Кокорева

«...Эти три бедно и серо изданные томика наводят на мысли очень невеселые. В них человек, хотя несколько знакомый с закулисной жизнью журналистики, ясно читает грустную историю гибели таланта. Люди, находившие в Кокореве зародыши сильного дарования, ценившие его горячую любовь к работающим беднякам нашим, большею частью и не предполагали тех обстоятельств, которые служили у него источником этой любви, но вместе с тем и препятствовали свободному развитию его дарования. Строгие эстетические ценители хотели, чтоб он дольше вынашивал в душе свои произведения, давал своим очеркам больше стройности, больше объективировал их, лучше отделывал со стороны внешнего изложения... Но ценители не знали, в каком отношении находились произведения Кокорева к его собственной жизни...»

**Николай Александрович  
Добролюбов  
Очерки и рассказы И. Т.  
Кокорева**

*Москва. 1858 г. Три части.*

Лет двенадцать тому назад начали появляться в «Москвитянине» рассказы, подписанные фамилиею И. Кокорева. Несмотря на то что «Москвитянин» не пользовался тогда хорошей репутацией и мало читался, Кокорев скоро успел обратить на себя внимание публики. Его имя отделилось от имен обычных вкладчиков «Москвитянина» вместе с именами Островского, Писемского, Потехина... Его рассказы, раскрывавшие подробности жизни ремесленников и мелких промышленников московских, постоянно встречали сочувствие публики. Было время (в 1852 г., после напечатания «Саввушки»), когда ожидания от таланта Кокорева были очень велики; от него надеялись серьезного, глубоко задуманного и строго выполненного произведения из нашей городской-народной жизни, которую он знал в мельчайших подробностях и которой умел сочувствовать. Но через два года потом (в 1854 г.) Кокорев умер, ожидания остались невыполненными; о смерти молодого писателя было несколько строк в том журнале, где он участвовал; редакция журнала обещала в скором времени издать его сочине-

ния; но потом, как водится, забыли и о Кокореве, забыли и об обещании редакции (забытом ею самой), забыли и о самом журнале, который тоже скончался, недолго пережив своего талантливой сотрудника{1}.

Теперь снова представляется случай вспомнить о Кокореве; вышли его сочинения, изданные, впрочем, не редакцией «Москвитянина», а одним из товарищей покойного – В. А. Дементьевым. Эти три бедно и серо изданные томика наводят на мысли очень невеселые. В них человек, хотя несколько знакомый с закулисной жизнью журналистики, ясно читает грустную историю гибели таланта. Люди, находившие в Кокореве зародыши сильного дарования, ценившие его горячую любовь к работающим беднякам нашим, большею частью и не предполагали тех обстоятельств, которые служили у него источником этой любви, но вместе с тем и препятствовали свободному развитию его дарования. Строгие эстетические ценители хотели, чтоб он *дольше вынашивал* в душе свои произведения, давал своим очеркам больше стройности, больше *объективировал* их, лучше отде-

лывал со стороны внешнего изложения... Но ценители не знали, в каком отношении находились произведения Кокорева к его собственной жизни. Немногим было известно, что эти очерки, изображающие горькую бедность с честным трудом, а подчас и грязь, и забвение горя за чаркой, и невольное вилянье из стороны в сторону, что все это – воспроизведение того, что со всех сторон обхватывало и сжимало жизнь самого автора. Он не издали, не в качестве дилетанта народности, не в часы досуга, не для художественного наслаждения наблюдал и воображал жизнь бедняков, с горем и часто с грехом пополам добывающих кусок хлеба. Он сам жил среди них, страдал с ними, был с ними связан кровно и неразрывно. Он недурно изображал мастеровых, кухарок и извозчиков; не мудрено: его трудами поддерживалось существование старого больного отца, ремесленника из вольноотпущенных, давалась помощь: его матери – кухарке, его брату – извозчику!.. Ему ли было отделяться от героев своих произведений и стараться объективировать их! Ему ли было заботиться о *вынашивании* в душе своих

образов, об изящности их отделки! Будь какая угодно артистическая натура, но трудно усадить в живописное положение больного отца, чтобы с него нарисовать изящный портрет нищего старика; трудно томить его голодом, чтобы, смотря на его страдания, *выносить* в душе образ голодной бедности и потом с эпическим спокойствием выставить его на показ миру... Нищета семейная, безотрадное, насущное, сосущее горе, в каком проходила жизнь Кокорева, мало благоприятствуют ровному и спокойному течению мыслей. Не мудрено, что его рассказы и очерки выливались из души лирическим порывом, что о каждом бедном ваньке, о кулаке, о мастеровом – он рассказывал с таким кротким и теплым чувством, как будто бы говорил о своем родном брате. Пускался он иногда и в шуточки, старался смешить и смеяться; но это как-то не шло к его тону, не к лицу ему было: губы его как будто складывались в улыбку, а на глазах блестели слезы. И только этими невольными, кроткими слезами да этой робкой, неудачной улыбкой и сказался он миру. Ни отчаянного стога, ни могучего проклятия, ни желчной,

кроваво-оскорбляющей иронии – ни разу не вылетело из этого нежного, терпеливого сердца. Он как будто забит, запуган был жизнью; он боялся поглубже заглянуть в свое сердце, разбередить его раны, поднять со дна души вечные вопросы о правде, о счастье, о честном труде и об участи бедных тружеников на этом свете... Покорно склонился он перед своей судьбой, и искание лучшего только и выразилось у него в этой скорбной – иногда и фальшивой, но всегда берущей за сердце – песне о жалком труде и жалкой бедности. Рассказы его – не протест против общественной неправды, не плод мстительного раздражения; в них нет желания отравить вам несколько минут изображением житейской неправды и незаслуженных страданий. Напротив, в произведениях Кокорева есть даже какая-то попытка примирения, в них слышится тон не допроса и суда, а скорее задушевной, грустной исповеди за себя и за своих братьев. Но исповедь эта наводит на вас тоскливые думы и их не рассеивает даже оптимизм автора, нередко выражаемый им в лирических строках, подобных, например, сле-

дующему обращению к самовару (в очерке «Самовар»): «Не богаты мы с тобой, часто стучится к нам в дверь нужда – так и об этом нечего тужить. Вон, через улицу от нас, яркими огнями горит огромный дом, толпы кружатся в великолепных его залах: но искренне ли веселее нас эти улыбающиеся лица и с большим ли аппетитом кушают они чай из серебряного самовара? Едва ли. А завтра, когда утомленные добровольными муками, они только что сомкнут глаза, мы будем с тобою уже на ногах, и солнышко, не смея пробраться за шелковые занавесы, первых нас поздравит с добрым утром...» Читая подобные размышления, вы соглашаетесь с автором относительно добровольных мук; но вы не можете на этом успокоиться, потому что очень хорошо знаете, что *добровольные* муки все-таки несравненно лучше *невольных*... Недаром же в императорском Риме считалось большою милостью предоставление преступникам права избирать себе род смерти!..

Но отчего же такое горе, такая бедность постоянно терзали Кокорева? Ведь он писал, обнаруживал дарование, любил трудиться:

неужели не было средства обеспечить его, дать ему возможность жить и развиваться спокойно? Неужели, наконец, он ничего не получал за свои труды? Мы знаем столько людей, которые живут литературою, и живут безбедно: а потребности Кокорева были, без сомнения, очень скромны...

Что ответить на эти вопросы? Мы не знали Кокорева, не знали его отношений к журналу, в котором он участвовал, но вот выдержка из письма одного из его знакомых, которое, вскоре после его смерти, было напечатано в «Пантеоне» (1855 г. № 5). Читайте и судите{2}.

*Кокорев не имел меценатов: ему никто не протягивал руки помощи. В поте лица покупал он хлеб себе и семейству. Он работал чаще по заказу, чем по вдохновению, чтобы только обеспечить существование отца, матери, брата. Кого обвинять? Мы не посмеем произносить никому укора. «Дитя не плачет, мать не понимает». Его старались ввести в круг людей с весом, положение его, без всякого сомнения, улучшилось бы, но он держался мудрого правила: pour vivre heureux, vivons*

саше! [1]

Я не слышал от него никогда ропота, жалобы на горький жребий, казалось, он был доволен своей судьбой, принимал вид веселого, беззаботного, а между тем преждевременно согбенный стан, быстрая, отрывистая речь доказывали в высшей степени развивающуюся деятельность нервной системы, результат внутренней борьбы, упорной, но сосредоточенной!..

Приехав в Москву, я продолжал по-прежнему трудиться для одного-единственного московского журнала{3}. Редактор объявил мне, «что таким-то отделом заведывает Кокорев, поэтому и некоторые ваши статьи переданы ему. Хотите познакомиться с ним, сходите сами; он живет на Самотеке в \*\*\* переулке, дом вам укажет всякий!»

Я был душевно рад познакомиться с автором «Саввушки», «Кухарки» и многих других прекрасных рассказов и отправился.

Ищу час, другой: никто не слышал такой фамилии. Боже, в целом квартале никто не знает человека, имя которо-

го произносит с уважением по крайней мере целая треть читающей России!.. Как ни далеко Девичье Поле, я возвращаюсь туда, к редактору, и пускаюсь в новый путь с советом справиться в квартале. Пройдя по обширному грязному двору, отыскиваю наконец самую уединенную избенку с двумя окнами, обращенными к забору, за конюшней, и отворяю двери: копоть и мрак ужаснули меня... Несколько минут я ничего не мог разглядеть, задыхаясь от плотно сгустившегося воздуха. Когда предметы мало-помалу яснее начали обозначаться, я осмотрелся: в углу, на голом деревянном канаве, отдыхал старик, белый как лунь. Глухой кашель душил его. Приподнимаясь с усилием, он несколько минут не мог сказать ни слова. Я предупредил его, прося сохранить свое положение. Ясно, – я ошибся: я просил извинения и, прощаясь, спросил: не может ли он сказать мне, где живет г. Кокорев? В это время в двери соседней комнаты высунулась голова какого-то молодого человека; он вопросительно посмотрел на меня. Я повторил мой вопрос, прибавив: Ко-

корева – писателя, сотрудника «Москвитянина».

– В таком случае я к вашим услугам; не угодно ли вам войти в мою комнату, – продолжал он, заметно смутившись. Я повиновался. Комната, в которую я вошел, освещалась двумя окнами: стул, столик, заваленный бумагами, кровать, из-под которой выглядывали книги и журналы; рядом с чернилами – бутылка на столе, исправляющая должность отсутствующего подсвечника, – вот все, что я нашел в мастерской художника, в которой столько передумано, перечувствовано, художнически воспроизведено... Как много людей, бесплодно обременяющих землю своим жалким существованием, располагают богатыми средствами, не зная ни цены, ни прямого назначения их... а он, это благородное существо, возвысившееся над опытом, который возрастил его, и силою крепкого самостоятельного ума, и прекрасными, хотя тревожными стремлениями сердца!.. Мать – кухарка, отец – слабый, больной старик, не покидающий постели (вольнотпущен-

ный), брат – извозчик... И не пасть, и самоотверженно, твердо нести крест свой, и гордо торжествовать в борьбе с подвигом жизни – какое веское, многоценное слово оставил он на память о себе быту, среди которого вырос! Автор «Саввушки» не скоро умрет, принадлежа истории литературы.

Он гордо отверг многие выгоды жизни, чтобы только сохраниться, и вся жизнь его представляет трогательное служение искусству, следовательно и обществу.

Одно меня неприятно поразило в нем: он стыдился своего положения, он не был рад посещению незнакомца, речь его была неискренняя, он был в большом смущении, и мне было досадно за него.

Я встречался с ним еще несколько раз. Не могу забыть одной из этих встреч. Редактор издания, для которого он постоянно трудился, уезжая за границу, поручил ему заведование редакцией и дал более 50-ти руб. сер. С какой восторженной радостью летел он домой! Видно, давно, очень давно не видал он такой суммы!

Последняя встреча испугала меня: пламя таланта, сосредоточенное, безысходное страдание пожирало нежную организацию: он угасал заметно. Труды огромные истощали все его силы, убивали здоровье – и за все его не вознаграждали даже, как поденщика! Люди промышленные пользовались его страстью к литературе и крайностью положения;

А между тем мы знаем, мы читаем, в Москве каждый талант, каждое предприятие, основанное на истинной пользе, найдут благородное сочувствие, привет. Приведем по этому случаю слова одного из важнейших московских ученых, г. Погодина: «Молодые люди, желающие трудиться на поприще науки! Снесите терпеливо все неудачи, не охлаждайтесь никакими отказами, не приходите в отчаяние от препятствий... А вы, от которых зависит... Но лучше я обращусь к себе, ибо я сам занял подобное место... Я произношу здесь обет – содействовать всеми силами ученым предначертаниям, возбуждать их к общепользующей деятельности искренними советами,

*ободрять их ласковыми приемами, оживлять приятными надеждами в начале, доставлять нужную помощь в продолжении, употреблять все зависящие от меня средства пред начальством и публикою при окончании их трудов, чтобы делались эти труды известными, доставляя им честь и выгоду» – и пр. и проч. («Москвитянин», № 4, за 1855 г., стр. 88.). Вероятно, подобные надежды и обещания поддерживали и Кокорева. Вскоре он умер в госпитале, в жестокой нервной горячке.*

Так вот в каких отношениях находился Кокорев к издателю журнала, в котором был постоянным сотрудником... Однако что он делал в журнале? Стало быть, не одни очерки и рассказы сочинял он; стало быть, издатель умел извлечь и другую пользу из его дарования и трудолюбия? Конечно, умел: доказательство – в изданных ныне сочинениях Кокорева. Половина второй и почти половина третьей части их заняты журнальными статьями, написанными, очевидно, по заказу, натянутыми, напряженными, отличающимися

ся какой-то несвойственной Кокореву размашистостью, неловким умничаньем и претензиями. Несколько лет поставлял он для «Москвитянина» рецензии глупых книжонок для «Библиографии» и мелкие статейки для «Смеси». Теперь они все собраны и изданы усердием г. Дементьева, – и боже мой! чего тут нет, до чего была доведена эта свежая, поэтическая натура, на что растрчивался этот оригинальный талант!.. Вот разбор «Хиромантии девицы Ленорман», вот рецензия «Стряпухи», вот две страницы о «Новом способе истребления клопов и тараканов», вот «Воззвание к крысоистребителям», вот статейка, критикующая слог объявления тифлисского модного магазина, заметка «о мази от падения волос», о подделке под вдову Клико, о новой мужик-польке и пр. и пр. Какой талант, какая поэзия может сохраниться в человеке, принужденном убиваться над такими предметами?.. Никто из читавших «Москвитянина» и любовавшихся рассказами Кокорева не предполагал, конечно, что этот же самый человек, тут же, через несколько страниц, смастерил какие-нибудь заметки о парикмахерском объ-

явлении, о новом полнейшем оракуле, о шрифте визитных карточек и т. п. Грустно перебирать эти заметки в собрании сочинений Кокорева, грустно за него и горько на тех, кто его довел до таких занятий. Они немало повредили развитию его таланта. Когда мы пересматривали «Рецензии» и «Смесь» Кокорева, нас все преследовали слова одного дюжинного живописца, выведенного самим же Кокоревым в рассказе «Сибирка»: «Правду сказать, не хвастая, – если бы не городская работа, где пиши одно и то же, по известной мерке, да клади побольше ярких красок, чтобы не даром платить деньги, как толкуют покупщики; если бы не это вечное малярство да не нужда, которая часто заставляет работать на скорую руку, с грехом пополам, – можно бы написать не хуже людей, хоть в академию».

Может быть, многие из чернорабочих тружеников, ничего не имеющих в жизни, кроме своего труда, оказались *бы не хуже людей*, если бы нужда не заставляла их работать на скорую руку. Но им некого винить, кроме судьбы, если труд их по крайней мере опла-

чивается как следует и если их не вынуждают к работе, противной их наклонностям. Кокореву не дано было и этих ничтожных льгот, и за него общество могло бы спросить отчета еще у кого-нибудь, кроме слепой и неразумной судьбы... Люди, эксплуатировавшие его, загубили его талант и самую жизнь{4}. В коротеньком предисловии к изданию его сочинений мы находим, между прочим, грустное известие, что «Кокорев умер в молодых годах жертвою неправильной жизни, к которой привык рано, вследствие несчастных обстоятельств». Что это были за обстоятельства, мы, вероятно, узнаем подробнее из его биографии, которую г. Дементьев обещает издать в скором времени{5}.

# Сноски

## 1

чтобы жить счастливо, надо прятаться  
(франц.). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

# Комментарии

## 1

Имеется в виду журнал «Москвитянин», издание которого прекратилось в 1856 г.

[^^^]

## 2

Далее Добролюбов приводит выдержки из письма В. А. Дементьева, хорошо знавшего И. Т. Кокорева.

[^^^]

### 3

Имеется в виду «Москвитянин», сотрудником которого был В. А. Дементьев.

[^^^]

### 4

Намек на М. П. Погодина – редактора-издателя «Москвитянина», эксплуатировавшего Кокорева.

[^^^]

Книга В. А. Дементьева о Кокореве издана не  
была.

[^^^]

[^^^]